

Deviaty val

Call Number: 2006 Folio S47

Creator: Chepurnyi, S. I. Chisliev, D. G. Dymow, Ossip, 1878-1959. Iargin, A. I. Panov, N. A. (Nikolai Aleksandrovich), b. 1848. Rudenko, S. I. Usas, S. M

Date: 1906

Publisher: S.I. Chepurnyi

Subjects: Russian wit and humor.
Political satire, Russian.
Caricatures and cartoons.
Periodicals --Russia --Saint Petersburg
Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations
Drawings
Political cartoons

Physical Description: 8 p.
ill.
35 cm.

Volume/Enumeration: no.2(1906:ianv.9)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

p. [1]

9-ое января.

Безъ яркихъ знаменъ и безъ пѣсней свободныхъ
Шли блѣдые люди въ надеждѣ сѣдой
Отвѣтныя слезы рыданью голодныхъ
Услышать въ чертогахъ сатраповъ холодныхъ...
Шли блѣдые люди нестройной толпой.

Хоругви священные съ вѣрой наивной
Ихъ чахлыя дѣти безмолвно несли,
Безъ краснаго знамени, пѣсни призывной
Подъ властью мечты, завлекающей, дивной,
Шли блѣдые люди. За радостью шли.

—Мы правды добьемся, безумцы шептали.
Пурпурнаго солнца святые огни !
Намъ путь освѣщаютъ... Ихъ взоры пылали
То гнѣвомъ, то счастьемъ, то искрой печали.
Шли блѣдые люди въ январскіе дни. а

И всюду навстрѣчу съ цвѣтными значками
Влестящая конница быстро неслась,
И братья на братьевъ глядѣли врагами,
И улицы скоро покрылись тѣлами
Убитыхъ и раненыхъ... Кровь пролилась...

И стоны раздались. И крикъ, и смятенъ...
И въ ужасѣ громко рыдали одни,
Другіе молчали: для мертвыхъ—забвенъ.
Такъ созданы силы грядущаго мщенъ
Въ январскіе, страшные, черные дни.

Сергій Безпросветный.

С.-Петербургъ, 9-го января.

Рука не подымается... Тяжело,
больно и страшно! Тысячами тру-
повъ завослана призрачная сво-
бода, и свободы нѣтъ... Должны еще
пролиться рѣки крови и слезъ,
должны оборваться миллионы жиз-
ней...

Тѣ, кто „жертвою пали въ
борьбѣ роковой“ 9-го января, знали
на что они шли. Но, счастливые,
они не знали, что мы сегодня,
тоже 9-го января, пойдемъ не съ
ликующими побѣдами красными
знаменами, а съ траурными, чер-
ными хоругвями...

Тяжело, больно и страшно!
Сегодня родина рыдаетъ, какъ ры-
дала годъ назадъ.

Борцы въ пѣту, страна—въ
позоръ...

Русскій кровавый годъ начи-
нается 9-го января.

Вѣчная память погибшимъ за
свободу... Имя имъ тысячи...

Тяжело, больно и страшно...

Сердце надрыдается... Намъ
нельзя всего сказать...

Дни не пришли, дни свободы...

Но скоро. Часъ близокъ...

Гапонъ.

Мы помѣщаемъ въ нашемъ жур-
налѣ петицію рабочихъ Петербурга,
составленную Георгіемъ Гапономъ и
подписанную одиннадцатью депута-
тами. Эта петиція была представлена
по назначенію ровно годъ назадъ,
9 января.

Съ тѣхъ поръ много прошло вре-
мени, рядъ великихъ событий измѣ-
нилъ до неузнаваемости обликъ на-
шей родины, мы далеко ушли впе-
редь; психологія прогрессивнаго
общества круто разорвала съ туман-
нымъ прошлымъ, и никто уже больше
не надѣется на громкія слова, пети-
ции, адреса и пр.

Теперь нѣтъ надобности социали-
стическимъ партіямъ подчеркивать
необходимость сплоченной и органи-
зованной борьбы. Какой борьбы—это
другой вопросъ. Важно одно: рѣши-
тельно всѣ сознаютъ, и правые, и
лѣвые, что только сильныя обороты
право свое. Другое дѣло—годъ на-
задъ. Тогда еще не выяснилось внут-
реннее положеніе Россіи; главный
агентъ освободительнаго движенія,
рабочіе, — нервничали и, увлекшись
рѣчами своего вождя Георгія Гапона,
увлекли его самого.

И мы, вопреки социаль-демокра-
тической партіи, не видимъ тутъ
вины со стороны о. Гапона и его еди-
номышленниковъ.

Много тяжелыхъ жертвъ, много
молодыхъ жизней погибло 9 января.
Но они принесли великую жатву.
Изъ маленькой искры разгорѣлся
пожаръ. Это случилось такъ быстро
потому, что передъ реальною рево-
люціей произошла революція умовъ.
И этому перевороту сильно способст-
вовалъ Георгій Гапонъ.

Перечитывая теперь его петицію,
одобренную рабочими, мы можемъ
сказать: передъ роковой бит-
вой были соблюдены всѣ формаль-
ности. Сначала просили, и только,
когда отвѣтомъ на просьбы были ру-
жейные залпы, стали требовать.

Всѣ послѣдствія разыгравшейся
бури вызваны бездарнымъ прави-
тельствомъ, которое въ борьбѣ съ
освободительнымъ движеніемъ не по-
жалѣло Россіи, доведя ее до бан-
кротства.

Еще интереснѣе эта петиція въ
другомъ отношеніи: она, какъ яркій

Вмѣсто „Свободы“.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

3

контрастъ настроенію рабочихъ въ настоящее время, заставляеть насъ съ большей надеждой смотрѣть на наступившій 1906 г. Никакая реакція не можетъ потушить все сильнѣе разгорающийся народный гнѣвъ.

Итакъ, да здравствуетъ грядущій годъ!

Вѣчная память погибшимъ въ революціонную борьбу за свободу.

Вѣчная память...

Письмо священника Георгія Гапона къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ваше Высочайшее соизволеніе!

Рабочіе и жители г. С.-Петербурга различныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9 января въ 2 ч. дня на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды, нужды всего русскаго народа.

Царю нечего бояться. Я, какъ представитель собранія русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, мои сотрудники и товарищи рабочіе, даже всѣ, такъ называемыя, революціонныя группы разныхъ направленій гарантируютъ неприкосновенность Его личности. Пусть онъ выйдетъ, какъ истинный Царь, съ мужественнымъ сердцемъ къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо Его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины; иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существуетъ между русскимъ Царемъ и русскимъ народомъ.

Вашъ долгъ, великій нравственный долгъ, передъ Царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ, немедленно, сегодня же, довести до свѣдѣній Его Императорскаго Величества, какъ все вышесказанное, такъ и прилагаемую здѣсь нашу петицію.

Скажите Царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и съ кѣрой въ Него безповоротливо рѣшили идти къ Зимнему Дворцу. Пусть и Онъ съ довѣріемъ отнесется, на дѣлѣ, а не въ манифестѣ, къ намъ.

Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго характера, снята и будетъ доведена до свѣдѣній всего русскаго народа.

Священникъ Георгій Гапонъ.
11 депутатовъ отъ рабочихъ.

Петербургъ, 8 января 1905 г.
Петиція Государю рабочимъ города Петербурга.

Государь! Мы, рабочіе города Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители, пришли къ Тебѣ, Государь, искать правды и защиты. Мы обвиняли, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и несправедливости, насъ душитъ деспотизмъ и произволъ, мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь. Настала предѣлъ терпѣнія. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ. И вотъ, мы бросили ра-

боту и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногочисленны, мы желали только того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали, какъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаеть законъ. Незаконны также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочихъ часовъ въ день, устанавливать цѣну на нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей заводовъ, увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до одного рубля въ день, отменить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленій, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга. Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ противозаконнымъ, всякая наша просьба—преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе—дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь! Насъ здѣсь больше трехсотъ тысячъ, а все это люди только по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признають ни одного человѣческаго права, ни даже—говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голову въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку; караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка значитъ—совершить тяжкое преступленіе.

Государь! Развѣ это согласно съ Божескими законами, милостью которыхъ Ты царствуешь и развѣ можно жить при такихъ условіяхъ, законахъ? Не лучше ли умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ, всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники! Вотъ, что стоитъ передъ нами, Государь! И это то насъ и собралъ къ стѣнамъ Твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи Твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и несправедливости, дай ему возможность самому вершить свою судьбу. Сбрось съ него гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между Тобой и Твоимъ народомъ, пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ Тобой. Вѣдь, Ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши проебы. Онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь! Не дерзость въ насъ говорить, а сознание необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы

одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогъ тебѣ, вѣдь ему только и извѣстны его истинныя нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее: повели немедленно, сейчасъ же, призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель. Пусть всѣ, кто бы они ни были, возьмутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ Учредительное Собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залечить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще и другія и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, о нихъ. Необходимо:

1. Мѣры противъ несправедливости и безправія русскаго народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности; свобода слова и печати; свобода собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи. 2) Общее обязательное народное образованіе на государственныя счеты. 3) Отвѣтственность министровъ и гарантія законности управленія. 4) Равенство передъ закономъ всѣхъ, безъ исключенія. 5) Немедленное возвращеніе всѣхъ, пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1) Отмена косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямыми прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. 2) Отмена вѣковыхъ платежей.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Охрана труда закономъ. 2) Свобода потребительно-производительныхъ и профессиональных рабочихъ союзовъ. 3) Восьми-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ. 4) Свобода борьбы труда съ капиталомъ. 5) Участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи. 6) Нормальная заработная плата.

Вотъ, государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Поведи и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію счастливой и славной, а имя твое запечатлѣшь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не поведишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умремъ здѣсь на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти и везать. У насъ только два пути: или къ свободѣ и къ счастью, или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ и мы пойдемъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь къ смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

Ха подбигъ.

Въ жихорахъ дрожа, изнывая въ бреду,
Я улыбалъ печальный, таинственный вое:
— Встань съ постели недужный, ты духомъ здоровъ!
И я крикнулъ въ безумномъ восторгѣ: иду!

Я готовъ!

Отбѣло я сбросилъ съ груди огневой
И къ огню подбѣжалъ и на звѣзды глядѣлъ...
Тамъ, гдѣ грусти неясной, гдѣ жизни предѣлъ,
Вспыхнулъ лучъ... Онъ загадкой сіялъ роковой,
Онъ горѣлъ...

И опять мнѣ послышался голосъ тоски:
— Жертвъ мучительныхъ требуютъ яркіе дни,
Все, чѣмъ въ жизни своей дорожилъ, прокляни!!
Пусть погибнетъ тиранъ отъ безстрашной руки,

Прокляни!

И я проклялъ безплодной любви идеалъ,
И я проклялъ запретъ, мракъ туманныхъ ночей,
И я проклялъ уныніе сумрачныхъ дней
И для подвига смѣлымъ и дерзкимъ возсталъ

Безъ цѣпей!

С. Черкасск.

Заморскій гость и прин-
цесса Улыбка.

(Сказка.)

Это было въ невѣдомой странѣ, за
тридцать земель. Это было въ годину
ужаса.

Послѣ долгой, кровопролитной
войны, когда полугодный, нищій
народъ, наконецъ, не выдержалъ и воз-
сталъ за землю и волю; когда луч-
шихъ людей разстрѣливали изъ пу-
шекъ; когда, казалось, не видно конца
страданію и слезамъ, льющимся кро-
вавыми ручьями; когда въ тюрьмахъ,
не хватало мѣстъ, и всюду царили
меланхолическая и тоска,—вдругъ на мгно-
вене народу улыбнулось счастье.

Въ годину ужаса улыбнулось
счастью.

Пріѣхалъ заморскій гость, поло-
жившій предѣлы безплодной, несча-
стной битвѣ великана съ карликомъ,
въ которой побѣда осталась за кар-
ликомъ. Пріѣхалъ гость, купившій
въ заморскомъ государствѣ миръ
страшной цѣной, цѣной позора. При-
ѣхалъ заморскій гость и освободилъ
изъ тюремъ принцессу Улыбку.

Она долго томилась, бѣдная прин-
цесса, за рѣшетчатыми окнами сы-
рого, холоднаго зданія, въ мрачной
кѣлетѣ, отраженной въ волнахъ
Сѣверной рѣки.

Кѣлетъ стояла на берегу Сѣвер-
ной рѣки.

Много лѣтъ принцесса Улыбка
была лишена свободы; она поблѣд-
нѣла и зачахла, и все-таки она была

Улыбкой. Она смѣялась грустно и
заманчиво юнымъ мечтателямъ, влюб-
леннымъ въ ея необыкновенную кра-
соту, въ ея свѣтлые глаза, сверкаю-
щіе огнемъ жизни.

Въ тюремномъ казематѣ смѣялась
принцесса Улыбка, хотя ядъ отрав-
лялъ ея сердце.

Въ тюремномъ казематѣ томилась
свобода.

Иногда она слышала призывныя
пѣсни, посвященныя ей лучшими
поэтами страны, и эти могучіе звуки
фантастическихъ гимновъ лечили ея
горе, и она смѣялась.

Много лѣтъ провела въ тюрьмѣ
Улыбка, и все не теряла надежды.

И вотъ,—въ годину ужаса изъ за-
морской страны пріѣхалъ именитый
заморскій гость и совершилъ съ
ней обрядъ обрученія.

Это былъ праздникъ жизни, когда
желѣзныя двери раскрылись передъ
принцессой и она очутилась на волѣ

Это былъ праздникъ жизни.
Это была побѣда солнца, разда-
вшаго въ золотыхъ лучахъ черный
мракъ ночи.

Восторженными криками встрѣ-
тилъ народъ освобожденіе принцессы.
Она была общей любимицей, хотя
многіе знали о ней только по на-
слышкѣ.

Восторженными криками встрѣтилъ
народъ принцессу.

Это былъ праздникъ жизни.

Но это было также и великое горе:
преступную принцессу отдали замор-
скому гостю, который былъ старъ и
завистливъ, какъ черный воронъ.
Какой-то юноша, съ пожаромъ въ
сердцѣ, сначала громко привѣтство-
валъ Улыбку, а потомъ крикнулъ съ
плачемъ въ груди:

— Этотъ старый колдунъ погубитъ
ее. Онъ слезами омоетъ Улыбку.

И эхо откликнулось со всѣхъ сторонъ:

— Этотъ старый колдунъ обманетъ
принцессу Улыбку.

Но люди вѣрили въ счастье, по-
тому что они его хотѣли.

Счастье было близко.

Прошло сто дней, и черныя дроги
везутъ на кладбище преступную
принцессу.

Ее задушилъ заморскій гость пре-
кверными руками.

Она умерла.

Она умерла, и воскреснетъ вновь
вскоро, вскоро. Но она воскрес-
нетъ. Воскреснетъ въ тотъ день, когда
погибнетъ заморскій гость.

А ты, жалкій Витте, понимаешь
ли эту сказку?

Лилий.

Вмѣсто „Свободы“.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

5

Новый Годъ.

Пришелъ Новый Годъ... И святымъ, и туманнымъ,
Таинственнымъ кажется онъ.
Такъ юность влюбленную вымысломъ страннымъ
Ласкаетъ задумчивый сонъ.
Пришелъ Новый Годъ, загораясь любовью
Къ царствъ безумныхъ—тоскѣ.
Съ цвѣткомъ незабудкой, обрызганной кровью,
Съ цвѣткомъ, что улыбка: въ слезахъ ей уютно,
Въ крови оживаютъ цвѣты).
Пришелъ Новый Годъ... И красиво, и смутно
Ему улыбнулись мечты...
Онъ видитъ свободы дворецъ. У порога
Волшебники злые стоятъ.
Вся трупами устлана къ счастью дорога...
И шепчетъ онъ, грустно объятъ:
— Прости меня солнце, въ лучахъ золотое
И радость цвѣтущая днемъ.
Не знаю, какъ ненависть въ сердце живое
Закралась и дышетъ огнемъ;
Не знаю, во имя ли правды народной,
Иль видя страданья и плачъ,
Я мститель... Душителямъ жизни свободной
Я, Годъ, судя и палачъ!..
Пришелъ Новый Годъ, загораясь любовью
Къ царствъ безумныхъ—тоскѣ.
Съ цвѣткомъ незабудкой, обрызганной кровью,
Съ цвѣткомъ незабудкой въ рукѣ.

Д.

Изъ Пушкина.

(Алм. Дубасову).

Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный.
Подобнаго ему еще не знаетъ свѣтъ...
Въ грядущихъ временахъ онъ встанетъ тѣнью черной,
Кровавымъ призракомъ минувшихъ горькихъ дѣтъ.
Вся кровь народная, тобою пролитая,
Святая кровь борцовъ къ отмщенью вопиетъ,
Зоветь на судъ тебя, палачъ родного края,
И справедливый судъ, повѣрь себѣ, найдетъ.
Тотъ судъ—народа, судъ, какъ смерть, немолчаливый:
Спасенья нѣтъ тому, кого онъ обвинитъ,
И приговоръ его, какъ правда, нерушимый,
Въ исторіи страны, какъ эхо, прозвучитъ.
И пронесется онъ по всей Руси великой
И повторитъ его всякъ сущій въ ней азыкъ,
И память о тебѣ, братоубійца дикій,
Проклятьемъ Канна навѣки заклеятъ.

Конусъ.

Свиновники безъ порфедя.

6

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

Вмѣсто „Свободы“.

Простыя рѣчи.

IV.

По рѣшенію судебной палаты, состоявшемуся 4-го января, А. М. Гутьяръ и я присуждены къ одному году крѣпости за журналъ „Свобода“.

Если бы не блестящая защита прис. пов. С. П. Марголина и полная наша невинность, дѣло могло бы кончиться еще печальнѣе.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Девятаго вала“ я помѣщу не лишніе интереса для любого юриста документы: обвинительный

актъ по нашему дѣлу и судебный приговоръ во всѣхъ подробностяхъ.

Не дѣлаю этого въ сегодняшнемъ номерѣ. Сегодня, девятаго января, день великаго траура... Траура по борцамъ за свободу и траура по свободѣ.

Журналъ „Свобода“ по приговору Судебной палаты запрещенъ навсегда.

С. Усачъ.

Ванна Дурново.

(Баллада).

О, мой вѣрный лакей. О, Дубасовъ морской,
Управляющій нынѣ на сушѣ Москвой!
Я отъ гнѣва вскипѣлъ и какъ банщикъ вспотѣлъ:
А Стаховичъ овеомъ меня ловко поддѣлъ...
Освѣжиться мнѣ надо, я есмь Дурново,
И министръ есть министр и не меньше того.
О, мой вѣрный лакей! Приготовь мнѣ скорѣй,
Сдѣлай ванну—я вымоюсь въ ней.
И приказу министра послушаетъ итеть
Адмиралъ за солдатами: громко зоветъ
Онъ семеновскій полкъ. Въ войскахъ знаетъ онъ
толку:
Шлетъ семеновцевъ въ бой морской волкъ
И подъ скачъ лошадей слышны стоны людей:
То кровавую ванну готовятъ злодѣи.
О, послушный нынѣ на сушѣ Москвой!
Управляющій нынѣ на сушѣ Москвой!
Дурново, знать, умеетъ: угадалъ вѣрно онъ,
Что въ Москвѣ обрѣтается На-поле-онъ.

Тата.

Перепѣвъ.

Одинъ и безмолвенъ монахъ молодой...

Гейне.

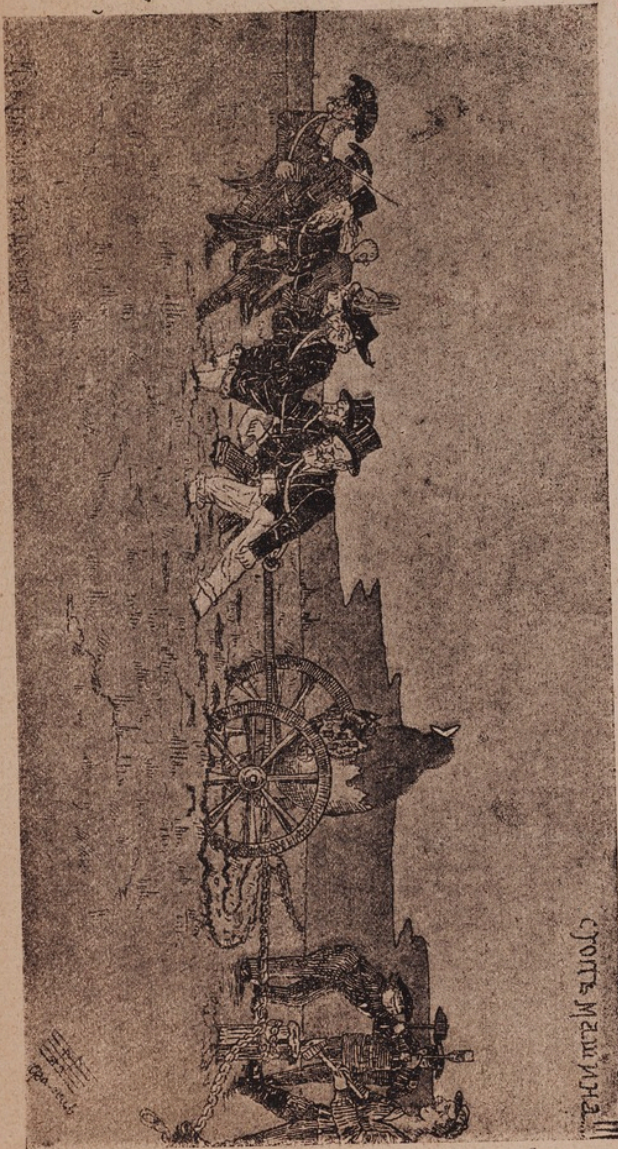
Одинъ и безмолвенъ российский премьеръ
Сидитъ въ кабинетѣ роскошномъ,
Кроваваго Плева забытый дневникъ
Читаетъ въ уныніи тошномъ...
Бьетъ полночь. Не въ силахъ министръ удержать
Кипящаго въ сердцѣ желанья.
И, блѣдный, зоветъ онъ загробную тѣнь
И робко творитъ заклинанья,
—Тирана тирановъ изъ гроба призвать
Прошу я васъ, темныя силы.
Зажгите въ немъ жизнь. Я услышать хочу
Фонъ-Плева завѣтъ изъ могилы.
Едва заклинанье министръ произнесъ,
Какъ вдругъ задрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ.
И видитъ: безмолвно предстала предъ нимъ
Фонъ-Плева тѣнь въ саванѣ блѣдомъ.
Но взоръ его мраченъ, тѣснятъ его груди
Тяжелые вздохи недуга.
Онъ шепчетъ беззвучно, съ усмѣшкой злой:
—Въ аду ожидаю я друга!

Елизна.

На дняхъ выйдетъ сатирическій журналъ въ краскахъ „Побѣда“.

Побѣда! Ха-ха-ха! Дубасовъ побѣдилъ революціонеровъ. Пушками и пулеметами онъ разстрѣлялъ тысячи людей, и побѣдилъ! Эта великая побѣда будетъ записана на страницахъ исторіи. Въ честь нея мы издаемъ журналъ „Побѣда“. Каждый день, каждый часъ, каждую минуту мы должны помнить о великомъ подвигѣ адмирала, ибо онъ второй Суворовъ, ибо онъ выше Наполеона. А можно ли хоть на минуту забыть о титанѣ - гениѣ а-ля-Наполеонѣ, котораго providѣніе подарило Россіи. Увы! Немного поздно, послѣ окончанія войны вѣтшней. О, если бы providѣніе поторопилось! Кто знаетъ? Кто знаетъ... Быть можетъ, мы подписали бы миръ въ Токио. Побѣда! Да здравствуетъ достоправный Дубасовъ, побѣдоносный адмиралъ на морѣ и на сушѣ! Да здравствуетъ Дубасовъ! Слава ему!

Редакция.

„Дурново“ — МП.

С. Усачъ

Вмѣсто „Свободы“.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.

7

Руби его!

Человѣкъ (кричитъ). Долой под-
лецовъ, мошенниковъ и убійцъ,—
всѣхъ до одного!..

Полицейскій (обнажаетъ ша-
ску). А, ты противъ начальства?!..
Властей непризнавать?!.. (Свиститъ).
Держи, держи!.. Руби его!..

((Рубитъ до самаго конца)).

Начальникъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

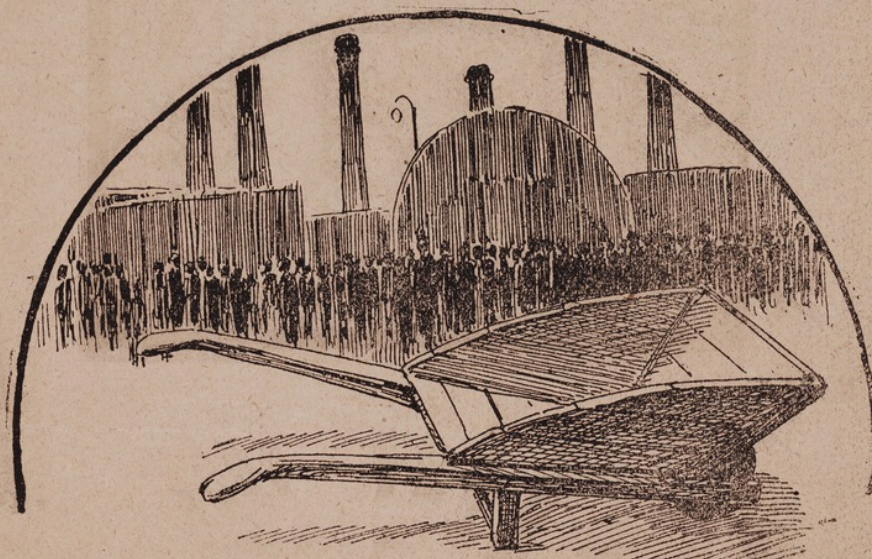
Мясникъ

ищетъ мѣста генераль-губер-
натора. — Видѣть можно каж-
дый день на бойняхъ.

Въ тюрьмѣ

за приличное вознагражденіе
согласенъ сидѣть съ 24-го чи-
сла этого мѣсяца въ качествѣ
редактора или издателя; могу
въ отъѣздъ. — Адресъ до 24
числа: Домъ Предварительнаго
Заключенія; спросить редакто-
ра-издателя.

Жанъ.

Почетный экипажъ для бюрократовъ.

Еженедѣльный иллюстрированный социально-политическій и сатирический журналъ

„ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ“.

Продается у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ г. Спб., а также во всѣхъ большихъ городахъ. Редакція и
контора: Николаевская, 73. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 11—2 ч.

Рукописи, присланныя безъ обозначенія говорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Издатель С. М.
Чепурный. Редакторъ А. И. Ярикъ.

